

ЧЕХОВ, ГОВОРЯЩИЙ

«Эка невидаль», — скажет читатель и будет прав, ибо Чехов давно уже переведен почти на все языки мира. Такой повсеместный интерес одни объясняют аполитичностью Антона Павловича. Другим кажется, что современным зрителям импонирует неустроенность чеховских героев, их растерянность, неуверенность в завтрашнем дне. «Если бы знать, если бы знать...», — на разные лады вопрошают они друг друга...

Когда я получил приглашение от Союза театральных деятелей Эстонии принять участие в чеховском фестивале, признаюсь, у меня возникли некоторые сомнения: кому это нужно сейчас? В Эстонии и прежде не слишком часто ставились произведения русской классики. Но теперь?

Однако в первый же вечер опасения начали развеиваться. В Эстонском драматическом театре, до недавнего времени носившем имя Кингисеппа, играли «Иванова». Спектакль идет третий сезон. Но зал заполнен до отказа. Зрители здесь собираются заблаговременно. Женщины обязательно меняют обувь — для этого театр предлагает всем специальные удобные сумки. Платья — вечерние. Мужчины в галстуках, ни одного джинсового костюма. Нет ни красных пиджаков, ни кожаных курток. Обстановка, как на давней премьере в Большом театре, когда люди шли сюда на праздник.

Но главное, конечно, сам «Иванов». Я смотрел эту пьесу в разных театрах. Но такого Иванова вижу впервые. (Юрий Крюков мог бы сыграть и Гамлета, и Манфреда, и Чацкого, и Раскольникова, и Протасова). Понятно, почему Сарра ради него отказалась не только от родителей, но и от веры своих предков. И почему Сашенька готова ждать его сколько угод-

но. И все это не потому лишь, что он так уж неотразим внешне.— В. кривоковское герою угадывается какая-то особая тайна притяжения, существующая как бы сама по себе, вне зависимости от дополнительных усилий со стороны Иванова.

Разговор Иванова с другом юности Лебедевым многое объясняет. Герой Айна Лутсеппа настаивает на том, что Иванов — человек порядочный, а вовсе не искатель богатых невест. Его Лебедев любит Иванова и всячески сочувствует ему, потому и готов помочь. Но при этом старается соблюсти такт. Ведь оба они — не просто дворяне, но люди тонкие, интеллигентные, деликатные. Последнее обстоятельство — особенно существенное для чеховского театра, где именно интеллигентностью и деликатностью у исполнителей часто возникает масса проблем.

Третья принципиальная удача — Сарра — Керсти Крейсманн. Многие актрисы с первого появления играют обреченность, вызывая вместо сочувствия к своей героине раздражение. Крейсманн, напротив, до последней секунды старается держаться. Она по-настоящему любит Иванова. И потому не он ее, умирающую, а она его, умирающую, жалеет, утешает, ободряет...

Острый дуэт двух отчаянных

картежников — акцизного Дмитрия Никитича Косых — Александра Ээльмаа и Авдотьи Назаровны — Сальмы Резк — как нельзя лучше позволил передать атмосферу уездного захолустья, подтолкнувшего Иванова к самоубийству. Впрочем, по мнению режиссера Эльмо Ньюганена, выстрел Иванова воспринимается вовсе не как трагедия, а, напротив, со вздохом всеобщего облегчения. Так и играется финал.

К имени Эльмо Ньюганена нам придется обратиться как минимум еще дважды. Потому что, помимо «Иванова» в Таллине, он поставил в Вильянди, в театре «Угала», «Чайку» и там же сыграл Лопехина в спектакле Каарин Райд «Вишневый сад».

Сперва несколько слов о Лопехине. После Владимира Высоцкого и особенно после Андрея Миронова многие стали задумываться над тем, отчего это Лопехин не решается сделать предложение Варе? Оказалось, он влюблен в Любовь Андреевну, хотя и не смеет признаться в этом даже самому. Но Каарин Райд пошла еще дальше. Она находит момент, когда становится очевидным: Раневская догадалась о чувстве к ней Ермолая Алексеевича, но тут же гонит собственную догадку прочь!

Может быть, и поэтому вер-

нувшийся с торгов Лопехин не ощущает себя победителем? Напротив, он угнетен, подавлен, испытывает неловкость, словно предчувствует недоброе. Лопехин, а не Раневская в театре «Угала» становится, на мой взгляд, центральной драматической фигурой.

Впрочем, в спектакле немало и других неожиданностей.

Но стоит ли этому удивляться, если вспомнить, что Каарин Райд — одна из самых любимых учениц настоящей мхатовки Марии Осиповны Кнебель, боготворившей Чехова.

Перечень неожиданностей я бы начал с образа Прохожего. Впрочем, он почти всегда бывает связан с актерскими удачами. Но Герт Раудзеп в этой

крошечной миниатюре представляет несколько необычный характер. Есть в нем какая-то нарочитая театральность. При этом он хорош собою, у него изысканные манеры и элегантный костюм не иначе, как «от Славы Зайцева». Потому так нелепо звучит его просьба о помощи. Может быть, он вовсе и не нищий, а ряженный, шут-

Культура. - 1994. - 30 апр. - с. 9.
ПО-ЭСТОНСКИ

ник, богатый барин, решивший позабыться...

Не меньшее открытие — финальное объяснение Вари с Лопехиным. Обычно эта сцена воспринимается и исполнителями, и зрителями исключительно драматической. В данном случае Пирет Раук оставляет шанс и для нас, и для Вари: ведь Лопехин поинтересовался, куда она намерена сейчас податься? Значит, не все потеряно. Во всяком случае Варя улыбается так, будто Лопехин уже сделал ей предложение.

Необычайно интересное объяснение в этом же акте происходит и у Пети с Лопехиным. Милые бранятся, только тешатся. Оказывается, они действительно необычайно привязаны друг к другу, но путь у каждого свой. Андрес Ноорметс — Петя прощается с Эльмо Ньюганеном — Лопехиным так, как могут расставаться лишь самые близкие люди.

Наконец, финал. Это не просто несколько трогательных аккордов для Фирса, сыгранного Андресом Оксом нарочито традиционно. Но одновременно и повод для выявления трагических интонаций у талантливой художницы Ингрид Агур. Прозрачная кипень вишневого сада, как художественный образ сопровождающая все четыре действия пьесы — от ранней весны до осени, —

гибнет на наших глазах вместе с домом, садом и престарелым Фирсом, превращаясь в их общий саван.

Впервые я видел «Чайку» здесь на премьере два года назад. С тех пор спектакль выдержал сто аншлагов в Вильянди, где проживают около двадцати пяти тысяч человек.

Режиссер Эльмо Ньюганен явно симпатизирует Нине и Треплеву. Но он не слишком нападает и на Аркадину. И даже к Шамраеву относится вполне терпимо. Ньюганен сочувствует всем, ибо считает, что и автор был снисходителен к своим героям. В Аркадиной режиссер увидел не провинциальную львицу, но вечную победительницу, но чувствующую неизбежное приближение заката слабую женщину, лишь пытающуюся делать вид, что она ничего не замечает.

Аркадина Каарин Райд одиноково привязана и к сыну, и к Триггину. Вероятно, это последнее ее увлечение, и она боится остаться ни с чем, хотя и вряд ли способна удержать возле себя преуспевающего писателя. Актриса дает понять, что слова у ее героини не всегда совпадают с поступками. По привычке Аркадина и в жизни продолжает ощущать себя, как на сцене. Тому способствует и расположение зрителей — они вместе с актерами находятся на сцене. Действие

разворачивается по всему кругу, а мы сидим сразу же за его пределами, образуя живое заинтересованное кольцо.

И здесь, в «Чайке», художник Ингрид Агур снова подтверждает свою приверженность поэтическому театру: ничего лишнего, до последнего акта предпочтение отдается двум цветам — белому и черному. В финале к ним добавляется нервно-насыщенный кроваво-красный. Может быть, он знаменует собою ужасную непогоду за окнами дома Сорина. А может быть, предвещает зловещую развязку в самом доме.

Помимо Аркадиной — Райд, заслуживают быть названными Треплев — Аллан Ноорметс (накануне он интересно сыграл Епиходова), Нина — Мерле Пальмисте и особенно Триггин — Андрес Ноорметс, с которым происходит какая-то удивительная метаморфоза. Начиная играть с удочками и сумой, накинутой через плечо на расшитую сорочку, в последнем акте он появляется в отличном европейском платье. Это не просто смена костюма. За ним угадывается новый статус, или, как теперь говорят, новый имидж писателя.

На фестивале было представлено и совместное детище Таллиннской музыкальной академии и Эстонского драматического театра — «Три сест-

ры». По существу это дипломный спектакль театрального факультета, который играет на Малой сцене в постановке Приит Педаяс. К сожалению, работа эта имеет мало общего с Театром Чехова, каким его можно было увидеть сейчас на фестивале в Эстонии. Хорошо еще, что в тот же день сверх программы мы посмотрели спектакль «Засуха и дождь» в Пылваском уезде летом 1914 года» в постановке Инго Нормета с этими же студентами.

Вместо трех в спектакле Приит Педаяс оказались... четыре сестры. Но, увы, среди них не было ни одной, кто имел бы право сказать Наташе, что их с ней в детстве воспитывали по-разному.

Спектакль перенасыщен интересными, неинтересными, плохо воспитанными людьми, которые не умеют вести себя в обществе и не хотят слушать друг друга. Вместо 80-летней Анфисы по сцене носится бойкая очаровательная молодка в фольклорном сарафане из Хора Пятницкого с подносом и водкой. Вообще тема чрезмерного употребления алкоголя стала едва ли не главной в этом прочтении «Трех сестер». К тому же в спектакле не только заметно помолодела нянька, но из него куда-то исчез Родэ, а Федотик впервые появляется не на

именинах Ирины, а уже после пожара.

Режиссер чувствует себя с автором на дружеской ноге и потому запросто переставляет сцены. Правда, как заметила одна из моих коллег, сам Чехов при этом не слишком страдает. Дотошный читатель может снять с полки томик с пьесами классика и убедиться, что к чему. Но выигрывает ли при этом режиссер, а главное — молодые актеры?!

И все же заметки эти я хотел бы закончить на оптимистической ноте. И не потому, что так принято. А потому, что чеховский фестиваль в Эстонии весной 1994 года действительно вызвал к себе живой интерес у зрителей. В рамках фестиваля состоялись беседы критиков с творческими коллективами, со студентами и педагогами Таллинна, Вильянди, Тарту. И во всем этом самое непосредственное участие принимал Антон Павлович Чехов, ибо он был и поводом, и причиной наших встреч со старыми и новыми коллегами и друзьями, которые и не предполагали, что самостоятельность и независимость обернется еще и губительной самоизоляцией.

Культуре категорически противопоказаны любые таможенные барьеры. Успех чеховского фестиваля в Эстонии лишний раз напомнил об этом. Борис ПОУРОВСКИЙ. (Наш спец. корр.).

МОСКВА — ТАЛЛИНН — ВИЛЬЯНДИ.
● Театр «Угала». «Вишневый сад». Фото Е. Велесте.